

Воронин Владимир Сергеевич

РАСКРЫТИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЕЙ И ПРОЕКЦИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ В ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА

Статья посвящена рассмотрению моделей раскрытия неопределённостей природы и человека в лирике И. А. Бунина. Лирическая форма, подчинённая ритмам времени, способна предугадывать проекции возможных вариантов развития истории. Рассматриваются различные виды отрицания неопределённостей и взаимодействия противоположностей, соответствующих различным логическим системам. Показана взаимная противоречивость эмоционального и рационального отрицания противоположностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 43-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1.09–48”

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению моделей раскрытия неопределённостей природы и человека в лирике И. А. Бунина. Лирическая форма, подчинённая ритмам времени, способна предугадывать проекции возможных вариантов развития истории. Рассматриваются различные виды отрицания неопределённостей и взаимодействия противоположностей, соответствующих различным логическим системам. Показана взаимная противоречивость эмоционального и рационального отрицания противоположностей.

Ключевые слова и фразы: многозначные логические системы; проекции возможных миров; неопределённость; уравнение противоположностей; циклическое, симметричное, рациональное и эмоциональное раскрытие неопределённости; мутация эмоций.

Воронин Владимир Сергеевич, д. филол. н., проф.

Волжский гуманитарный институт

voroninvls@rambler.ru

РАСКРЫТИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЕЙ И ПРОЕКЦИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ В ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА©

Многозначные логические системы появились в логике в начале XX века. В простейших из них к двум значениям истинности (истина и ложь) добавлено третье – неопределённость. В художественном произведении так или иначе представлено то или иное множество оценок действительности, ряд вариантов выбора того или иного поведения. Иногда выбора нет. Мы можем, например, говорить об однозначном мире пословицы, где следует действовать так, а не иначе, о двузначном (в основном) чёрно-белом мире сказки.

В лирическом произведении в большинстве случаев можно выделить положительный и отрицательный полюс бытия. Лирические субъекты Бунина обнаруживают в окружающем их мире противоречивые крайности: жизни и смерти, Бога и сатаны, света и тьмы, добра и зла, красоты и неприглядности, реального и иллюзорного. Исходя из фольклора и здравого смысла, мы будем приписывать первому понятию в паре значение истины (1), второму – лжи (0). Но в целом ряде случаев между полюсами возникает довольно широкая полоса неопределённости (1/2), и в зависимости от того, как к финалу раскрывается (на языке логики «отрицается») эта неопределённость, можно говорить о тех или иных логических системах. Неопределённость может заключаться в необъяснимом сближении полюсов противоположностей. «Но век наш – миг», – утверждает лирический герой «У берегов Малой Азии». Временная неопределённость связывается с пространственной. Исчезли амазонки, их как будто бы и не было: «И кто укажет ныне, / Где на пески ступала их нога? / Не ветер ли среди морской пустыни? / Не эти ли нагие берега?» [1, с. 168]. Конечно, ветер среди морской пустыни следов человеческих ног не найдёт. Но к рациональному объяснению этого вопроса можно привлечь мысль о том, что на месте нынешней воды когда-то была суша, или измыслить иррациональное для давнего времени движение амазонок по водной глади. Можно говорить о том, что в культурной памяти, в мифе, амазонки сохранились, но автор, раскрывая абсурдный тезис, уравнивающий век и миг, отвергает эфемерную память о воинственных женщинах заявлением очевидного: «Давно унёс, развеял ветер южный / Их голоса от этих берегов... / Давно слизал, размыл прибой жемчужный / С сырых песков следы подков...» [Там же]. Но для того, чтобы унести голоса и смыть следы подков, достаточно сильного ветра и хорошей волны даже в настоящем амазонок. Получается, что огромный период времени выполнил работу нескольких минут. Поэтому «век наш» превращается в тысячелетия природы и по масштабу произведённой работы тоже оказывается мигом. Бренность настоящего по сравнению с этим вполне понятна. Но прошлое амазонок имеет свою долгую длительность. Бунин разрывает единство пространство и времени, и царство амазонок оказывается здесь, хотя и не сейчас, а в прошлом: «Здесь царство амазонок. Были дики / Их буйные забавы. Много дней / Звучали здесь их радостные клики / И ржание купавшихся коней» [Там же].

В «Горе» движение между полюсами надежды и несчастья сопрягается со скачкой князя к своему терему, где заболел его сын, и кочующей сорокой – приметой несчастья. Ребёнок оказывается в неопределённом состоянии между жизнью и смертью. С одной стороны, он только болен, с другой стороны, смерть уже осуществилась в сознании отца: «Погубили дитя переходже старцы-калики!». Тогда как фольклорной традицией задана способность калик-перехожих исцелять больных. Князь останавливается, и сорока исчезает, но возобновление движения вновь приводит к появлению птицы, знаменующей беду. Достижение терема меняет темь на свет и приводит к несчастью, хотя прямо о смерти сына не говорится: «Но что это? Сколько огней! Нагадала сорока» [Там же, с. 166]. Баллада Гёте «Лесной царь» в переводе В. А. Жуковского может послужить здесь сопоставительным фоном. У Бунина всадник скачет к реально больному сыну, мистика носит вторичный характер, финал под вопросом. В «Лесном царе» сын в руках у всадника, опасность ирреальна, но финал трагичен: «Ездок погоняет, ездок до скакал... / В руках его мёртвый младенец лежал» [2, с. 140]. В одном случае наездник движется к реальности, в другом – пытается ускользнуть от ирреальности. В обоих случаях нет активного сопротивления надвигающейся опасности, поэтому печальный исход (хотя знак сомнения в этом у Бунина остаётся) закономерен.

Следуя за лучом «В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...», мы видим свет, энергию «весёлого летнего света», падающего из внешнего мира «на ветхие ковры и выцветший паркет» [1, с. 133]. Как будто бы возникает возможность преобразования внутреннего мира дома внешним светом, но она тут же исчезает. Внезапно оказывается, что и «вкруг дома глушь и дичь». Замыкается внешнее пространство, и сейчас же замкнутым становится внутреннее, к этому подключается распад объектов внутреннего мира дома: «А в доме рухлядь, тлен: повсюду паутины, / Все двери заперты... И так уж много лет». Однако на линии противопоставления жизни и смерти дело не заканчивается победой отрицательного полюса: «Тревожно бабочка лиловая снуёт. / Но фортки нет в окне, и рама в нём – глухая. / Тут даже моль недолго наживёт!» [Там же]. Чисто эмоциональное восклицание сталкивается с тем, что читатель помнит, что дом заперт много лет. И, значит, моль там периодически появляется. Мы сталкиваемся здесь с логической системой Поста, в которой циклическое отрицание неопределённости (*жизнь – пограничное состояние – смерть*) приводит к ложному результату, а симметричное отрицание, идущее в обратном порядке (*смерть – пограничное состояние – жизнь*), сохраняет неопределённость. Знак симметричного отрицания повисает над молью, циклического – над человеком. Но стоит задуматься, и эмоциональное отрицание появления человека сменяется недоумением, реальное пространство приобретает фантастический оттенок. Ведь наблюдатель имеет, несмотря на то, что заперты окна и двери. Как он вошёл? Вместе с солнечным лучом? Через четвёртое измерение? Но если он вошёл реально, то под сомнением оказывается запертость всех дверей. Рациональное отрицание неопределённости оказывается более жизнеутверждающим, чем эмоциональное.

Раскрытие неопределённости в лирике достаточно полно передаёт мироощущение своего времени. Витязь Бунина «На распутье» попадает в ситуацию сказочного выбора: претерпеть беды с малой вероятностью возвращения домой, потерять коня или быть убитым самому. Но если герой сказки или былины последовательно проезжал по всем путям и оставался живым, то в данном случае лирический субъект не может выбрать ни одного пути. Он остаётся в ситуации неопределённости. Но при этом распутица оказывается тупиком. Ни аннигиляции, ни взаимодействия противоположностей не происходит. Они разделены, но одно как бы прорастает через другое. Так, в мертвенность осенней природы возрождение вносит не ожидание её циклического пробуждения, а дочь лесника. Сначала она лишь дополняет печальный фон «осинника голого» и «подслепых окошек» сторожки, а затем становится самостоятельной неиссякаемой жизнью: «Малы её босые ноги, / Мала корявая рука. / От выреза льяной сорочки / Её плечо ещё круглей, / А под сорочкою – две точки / Стоячих девичьих грудей» [Там же, с. 21-22]. Ложное положение вещей и явлений закреплено за умирающей осенней природой, а истина безраздельно отдана и присвоена автором этой молодой девушке. Но «корявая рука» возникает здесь как бы от обнажённых осенью ветвей деревьев. Девушка продолжает фон поздней осени, но в то же время отрицает его. Две части стихотворения разведены синтаксически союзом «но» и семантически: порогом избышки, где и встречает путника героиня. Очень характерно и движение внимательного мужского взгляда, переходящего от линий к округлостям, сжимающего все масштабы до точек, не имеющих размеров, и вдруг приобретающих объём.

Будучи включёнными в более объёмное противопоставление, противоположности могут терять своё значение, образовывать подчинённую логику: «О Благий и Скорбный! Буди / Милостив к земле! / Скудны, нищи, жалки люди / И в добре, и в зле!» [Там же, с. 22]. Большое противопоставление людей и Бога уравнивает нищее добро и зло, противопоставляя ему огромное добро и зло, возможное для Творца, и поэтому просьба о милости здесь вполне уместна. По существу, речь идёт о четырёхзначной логике: в «Да» и «Нет» творца оказываются вложенными малое добро и зло людей, ни умалить, ни прибавить большое добро они не могут. Отсюда просьба о милости, обращённой не к людям, а вообще к земле. Интересны взаимоотношения мнимого и реального в лирике Бунина. Попытка дискредитации реального мира не проходит в «Цыганке». Реальность здесь отодвигает в сторону иллюзию. Хотя героиня «говорит, что в сердце жало, / Яд горячий унесёт», но эта речь, как показывает дальнейшее, не имеет отношения к реальному положению вещей и явлений. Все оценки расставлены: «Впереди большак, подвода, / Старый пёс у колеса, – / Счастье, молодость, свобода, / Солнце, степи, небеса» [Там же, с. 23]. Сам праздничный вид цыганки, играющий золотом «угольный зрачок», сходжение блеска и черноты говорят о приятии жизни в целом. «Да» и «нет» внешнего мира оказываются значительнее речей героини. Старость пса в общем понимании лирического мира имеет лишь подчинённое значение. Перед нами трёхзначная логика, где противоречия уживаются друг с другом, и неопределённость их взаимодействия раскрывается в положительном ключе. Иное мы видим в тематически сходных «Бродягах». Опять мы видим большое пространство, маленькую цыганку, подводу, но простор назван «бесплодной и холмистой котловиной, большой, глухой дорогой на восток» [Там же, с. 100], а ценности счастья и свободы оказываются под вопросом: девочка-подросток вполне соответствует скуке окружающего пространства. Здесь вообще нет альтернативы, поскольку нет осмысления происходящего: «И снова в путь... А для чего, – кто скажет?». Абсурдное сопоставление жизни и смерти (А как не-А) завершает общую картину: «Жизнь, как могила в поле, молчалива» [Там же].

В стихотворении «Мать» дано противостояние матери с младенцем наступающему снежному хаосу. В мёртвый дом уже ворвался холодный внешний мир: «И снег сухой в старинной зале / Кружился в сумраке ночном». Природа и человек явно противопоставлены, и ведут они себя одинаково наступательно. Не устаёт буря, но и мать неустанно движется с ребёнком: «И, положив дитя к плечу, / Всё напевала и ходила...» [Там же, с. 37]. И человек, а вместе с ним и жизнь, побеждает.

Иное решение вопроса противостояния природы и человека даётся в стихотворении «Когда на тёмный город сходит...». Здесь нет встречной активности человека, стихия безразлична к безразличному по отношению к самому себе человеку. Поэтому частное событие ночной метели превращается во всеобщую катастрофу, саван развевается над планетой: «Мир опустел... Земля остыла... / А вьюга трупы замела, / И ветром звёзды загасила, / И бьёт во тьме колокола» [Там же, с. 42]. Получается, что сама стихия хоронит и отпевает людей. Торжество мнимого катастрофического начала отмечена и в «Метели», где тоже есть «скрип колыбели», но нет сопротивления человека наступающему холоду, и поэтому в финале нарастает агрессивность мороза, и селение превращается в кладбище: «Мнится мне ночью: не степи кругом – / Бродит Мороз на погосте глухом...» [Там же, с. 45]. Иногда и бунинский ветер выкрикивает лозунги эпохи с уравнением противоположностей не хуже «Интернационала»: «Достигайте в несчастье радости мук беспредельных! / Приготовьтесь к Великому мукой великих потерь» [Там же, с. 92]. Излишне говорить, что Бунин в этом умонастроении вольно или невольно передавал дух своей (и не только) переломной эпохи с её желанием божественного творения всего из ничего, созидания из разрушения, порядка из хаоса. Обратный переход рождения в гибель Бунина в 1916 году даёт устами Авраама в «Благовестии о рождении Исаака»: «Рожденье чад есть смерть!» [Там же, с. 337]. Как видим, родовое бессмертие трактуется здесь как отсутствие жизни. Противоположности совпадают. Восклицательный знак эмотивно утверждает абсурд, приравнивающий исчезновение людей к их возникновению. Себя в качестве чада бунинский Авраам не понимает. Он именно исключение из общих правил, человек, получивший Эдем ещё при жизни. В библейскую ситуацию Бунин вольно или невольно вкладывает мироощущение человека, пишущего во время Первой мировой войны, настоящее которой передал эгофутурист И. Северянин в таком своём «Благословении» (кстати, первоначально так же называлось и стихотворение И. А. Бунина): «Когда отечество в огне, / И нет воды, лей кровь, как воду... / Благословение народу! / Благословение войне!» [4, с. 130]. И опять же эмоциональное утверждение абсурда совпадения противоположностей выражено восклицательными знаками. Это тем более интересно, что в первой части стихотворения автор приводит аргументы против восхваления войны: «страшны досрочные могилы», «безразумной и бессердечной войне сочувствовать нельзя» [Там же]. Восторг от «красной стези», ведущей к преображению мира, у поэта скоро улетучился. Во время Гражданской войны он запечатлел мутацию смуты и линьку её многоцветия: «Идеи вздорные, мечты напрасные, / Что в их теориях путь к Божеству, / Сегодня – белые», а завтра – красные», – / Они бесцветные по существу» [Там же, с. 42]. Бунин же политически остался приверженцем однозначной логики. Но это тоже мутация чувств и эмоций, запечатлённая в «России» 1922 года с особой силой ненависти: «О, слёз невыплаканный яд! / О, тщетной ненависти пламень! / Блажен, кто раздробит о камень / Твоих, Блудница, новых чад, / Рождённых в лютые мгновенья / Твоих утех – и наших мук! / Блажен тебя разящий лук / Господнего святого мщенья!» [1, с. 371]. Перехлест эмоций, патетическая лексика, обращение к Господу не делает это стихотворение ни христианским, ни патриотическим. И это даёт свою проекцию возможного мира: оно в полной мере представимо как призыв к появлению нового тирана, в наибольшей мере способствующего истреблению «новых чад».

Итак, бунинская лирика отражает мир противоположностей, мутирующий по всем линиям: счастье и горе, верх и низ, внешнее – внутреннее, ограниченное – безграничное – мужское и женское, рай и ад, рождение и смерть, будущее и прошлое. В целом ряде случаев раскрытие неопределённостей порождает своего рода уравнение противоположностей. В этом отношении реалист И. А. Бунин оказался последовательнее эгофутуриста И. Северянина. Наследник классической традиции, он с не меньшим успехом проклял новорождённых в России, чем Пушкин в «Вольности» детей «самовластительных злодеев». И то, и другое можно считать сбывшимся в многострадальной русской истории XX века.

Список литературы

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Московский рабочий, 1993. Т. 1. Стихотворения 1888-1952. 540 с.
2. Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Государственное изд-во худож. лит. М. – Л., 1959. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. 488 с.
3. Косановић Б. Српске и црногорске теме у руској поезиј првог светског рата. Нови Сад: Филозофски факултет Нови Сад, 2010. 254 с.
4. Северянин И. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. 493 с.

REVELATION OF UNCERTAINTIES AND PROJECTION OF POSSIBLE WORLDS IN I. A. BUNIN'S LYRICS

Voronin Vladimir Sergeevich, Doctor in Philology, Professor
Volzhsk Classical Institute
voroninvs@rambler.ru

The author considers the models of revealing the uncertainty of nature and man in I. A. Bunin's lyrics, tells that the lyrical form, dependent on the rhythm of time, is able to predict the projections of possible variants of history development, describes the various types of uncertainty denial and the interaction of contradictions, corresponding to different logical systems, and shows the mutual contradictoriness of emotional and rational denial of opposites.

Key words and phrases: many-valued logic systems; projections of possible worlds; uncertainty; equation of opposites; cyclic, symmetric, rational and emotional revelation of uncertainty; mutation of emotions.